

УДК 355.01

DOI: 10.34670/AR.2020.58.98.032

Дефинирование концепта «гибридная война» в контексте военно-социальных практик

Кирюшин Алексей Николаевич

Кандидат философских наук,
доцент кафедры тактики авиации,
Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил,
Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина,
394064, Российская Федерация, Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54-а;
e-mail: elrisha_@rambler.ru

Качура Сергей Иванович

Старший преподаватель центральных офицерских курсов,
Центра боевого применения и переучивания лётного состава
(морской авиации военно-морского флота),
353681, Российская Федерация, Ейск, ул. Калинина, 29;
e-mail: sergeykachura@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена дефинированию понятия «гибридная война» в контексте военно-социальных практик. Отмечается неоднозначность трактовки сущности гибридных войн в западной и отечественной науке, философии и военном деле, продиктованные различием подходов к ее практическому применению. Выявлено, что в зарубежной традиции гибридные войны рассматриваются в качестве органично вплетенной практики в традиционные способы деструктивного взаимодействия с противником. В отечественной традиции актуализированные поиски сущности гибридной войны свидетельствуют о чужеродности данного феномена и обусловлены необходимостью разработки такого направления противодействия последнему как контргибридная война. Наряду с этим отмечается слабая методологическая база концепта «гибридная война», который мыслится как специфический тип вооруженной борьбы, обусловленный сочетанием игровых форм и способов с применением обычных средств поражения (холодное и огнестрельное оружие). Между тем, использование деструктивных для экономики, политики, образования и культуры последствий эпидемия коронавируса может рассматриваться в качестве нового прообраза гибридной войны, в основе которой лежат биологические приемы и способы ведения войны. В заключение статьи дается определение гибридной войне как специфическому типу военно-социальных практик.

Для цитирования в научных исследованиях

Кирюшин А.Н., Качура С.И. Дефинирование концепта «гибридная война» в контексте военно-социальных практик // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 5А. С. 37-44. DOI: 10.34670/AR.2020.58.98.032

Ключевые слова

Военно-социальные практики, гибридная война, дефинирование, цветная революция, гибридная угроза, компаундная война, военная операция полного спектра.

Введение

Гибридная война с недавних пор занимает прочное место в методологиях и технологиях современных противостояний, поскольку обладает потенциалом скрытого и эффективного достижения целей глобальными игроками по сравнению с открытой вооруженной борьбой. Несмотря на широкую дискуссию по поводу признания гибридной войны фактором современности, ее приемы и методики известны в глубоком прошлом. К одним из наиболее ранних теоретических обоснований функционирования гибридной войны относится утверждение Сунь-Цзы, «война это путь обмана». В отношении России также нередко использовались элементы гибридного противоборства в форме информационной войны: «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна, «методички» о России для наполеоновской армии как прообраз «медийного сопровождения» (О.В. Тиханычев) и т.п.

Между тем, проблема постулирования наиболее глубокой сущности и содержания гибридной войны в конкретных определениях по-прежнему остается не решенной, препятствуя тем самым разработке мер и направлений противодействия ей. Так, существует немало попыток дефинирования гибридной войны, как в отечественной, так и зарубежной публицистике, политологии, военной науке и философии, которые требуют осмысления и классификации, а также поиска перспективной контекстологии.

Концепт «гибридная война» в западной науке и мировоззрении

В западной (в первую очередь, англосаксонской) науке и мировоззрении спектр мнений по поводу черт гибридной войны многообразен и широк благодаря укорененности в культуре и философии идеи достижения господства и получения выгоды посредством не прямых действий, заключительным этапом которых является вооруженная борьба слабой интенсивности, протестные действия, цветные революции. Подтверждением укорененности методологии и идеи гибридной войны (экспансии) в западной культуре и мировоззрении в качестве фактора архитипичного плана является отказ на государственном уровне от концептуализации последней в качестве специфического типа войны. Так, концепции гибридной войны и ее дефинированию уделяли большое внимание Счетная Палата США в 2010 году [United States Government Accountability Office, 2010, www]. В результате очень скрупулезного расследования было установлено обоснованное отсутствие определения гибридной войны и, вообще, ее необходимости, так как гибридная война не является новым типом войны [Першин, 2016, 83]. Иными словами, гибридная война известна западным лидерам давно и выступает деструктивной социальной практикой в их взаимодействии с другими цивилизациями и народами.

Исторический контекст использования методик и технологий гибридной войны свидетельствует, что непосредственное вооруженное противоборство всегда дополнялось обманными мероприятиями или деструктивными актами в невоенных сферах жизнедеятельности общества. Однако соотношение последних только в последние столетие качнулось в сторону деструктивных действий невоенного характера, что стало поводом и основанием для концептуализации понятия гибридная война.

Между тем, тенденция на поиск направлений повышения эффективности гибридной войны

заставляет ряд исследователей выявлять ее описательные, практико-ориентированные и организационные аспекты. Так, М. Бонд, актуализирует новый подход к гибридной войне и предусматривает использование военнослужащих, задействование экономического и политического давления на недружественные правительства, политические движения. Гибридная война также предполагает использование возможностей военной разведки, переброску диверсионно-разведывательных групп, которые могут оказать поддержку повстанцам или протестующим. Джон Мак Куэн полагает, что гибридные конфликты представляют собой боевые действия с применением обычных средств поражения, а также всестороннюю борьбу за содействие гражданского населения [McCuen, 2008, 109].

Дискутируя о природе гибридных войн западное военное сообщество отказало последним в самостоятельном статусе в качестве особого типа войны, но согласилось на существование понятия «гибридной угрозы», которое было уточнено и в согласованном варианте принято на конференции, проводимой Объединенным командованием (ОК) ВС США 24 февраля 2009 года. Это уточненное определение приводится Р. Гленном в следующей формулировке гибридной угрозы как сочетание традиционных, нетрадиционных средств, терроризма и преступных организаций, государственных и негосударственных субъектов [Glenn, 2009, www], политических, военных, экономических, социальных и информационных средств и конвенциональных (традиционных), террористических и подрывных/преступных способов ведения военных действий, а также ведение боевых действий посредством генерирования катастроф и стихийных бедствий.

Причем, западные исследователи, используя понятие «гибридный» подразумевают своеобразный «коктейль» из различных способов и тактик ведения боевых действий. Петри Хувинен в своем исследовании [Huovinen, 2011, www] сравнивает концепции компаундной (многосоставной, смешанной, комплексной) войны, гибридной войны и военных операций полного спектра. В результате различие между этими концепциями заключается в ведении информационной войны и привлечения самостоятельных негосударственных военизированных структур. Отсюда, Хувинен сделал вывод, что гибридная и компаундная война являются частью военных операций полного спектра.

В итоге осмысления западных попыток концептуализации гибридной войны необходимо отметить органичную включенность ее методологии и технологий в мировоззренческие и культурные устои общества, которые не нуждаются в дальнейшей теоретической проработке. Тем не менее, продуктивным аспектом осмысления гибридной войны в западной военно-теоретической традиции является факт отрицания последней в качестве специфического типа войны. Данный тезис актуализирует статус гибридной войны как социальной практики, сочетающей вооруженную борьбу и ее новейшие формы, и способы с непрямыми действиями в экономической, политической и социальных сферах жизнедеятельности общества. Гибридная война с западной позиции в общем случае — это «вид враждебных действий, при котором нападающая сторона не прибегает к классическому военному вторжению, а подавляет своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий, кибервойны, а также оказывая поддержку повстанцам, действующим на территории противника» [Popescu Nicu, 2015].

Концепт «гибридная война» в отечественной науке и мировоззрении

В отечественной науке и философии интерес к осмыслению гибридной войны на уровне сущности постоянно возрастает [Столетов, 2015, 105-123, Егорченков, Данюк, 2019]. Отметим в данной связи определение И.Н. Панарина: «гибридная война – это совокупность методов военно-силового, политико-дипломатического, финансово-экономического, информационно-

психологического и информационно-технического давления, а также технологий цветных революций, терроризма и экстремизма, мероприятий спецслужб, формирований сил специальных операций и структур публичной дипломатии, осуществляемых по единому плану органами управления государства, военно-политического блока или ТНК» [Панарин, 2020, www], а также схожего с ним по сущностным основаниям понимания гибридной войны А.А. Бартошем «как скрытого конфликта, обладающего сложной внутренней структурой и протекающего в виде интегрированного военно-политического, финансово-экономического, информационного и культурно-мировоззренческого противостояния, не имеющего определенного статуса» [Бартош, 2018, 5].

Между тем, цель исследования гибридной войны в России заключена в поиске ее отличий и сравнения с обычной войной, а также направлений противодействия ее развертыванию. Так, «особенности «гибридных войн», частота их возникновения, требуют от вооруженных сил всех государств, которые рассчитывают вести самостоятельную политику, уточнения структуры вооруженных сил, способов их применения, корректировки руководящих документов и т.п. В первую очередь, учитывая особенности перехода «гибридного» противоборства в силовую фазу: уточнения в части повышения готовности вооруженных сил к действиям в мирное время, без объявления войны, по расширению автономности воинских частей и повышению самостоятельности их командиров в принятии решений» [Тиханычев, 2020, 42]. Данная методологическая позиция актуализирует специфическое оборонительное отношение отечественных исследователей к гибридной войне, акторы которой обычно используют ее против России и ее союзников и соседей (Украина, Белоруссия и т.д.). И попытки исследовать и концептуализировать гибридную войну отечественными мыслителями и специалистами связаны с необходимостью выработать меры прогнозирования ее появления и противодействия на всех уровнях. В данной связи отечественным военным сообществом по своей сути осмысливаются и разрабатываются теоретические и практические основы контргибридной войны.

В тоже время, в рассмотренных вариантах концептуализации и дефинирования концепта «гибридная война» последняя представляется статичным образованием, лишенным источников дальнейшего саморазвития, которые, тем не менее, проявляются уже в настоящее время. Так, в определенном отношении эпидемию коронавируса и ее экономические, политические, культурологические, физиологические, психологические и иные последствия можно отнести к новому поколению гибридных войн, которые отрабатываются на глобальном уровне (Г.О. Онищенко). Не исключены попытки применения биологического оружия и военных и протестных действий низкой интенсивности на их фоне на региональном уровне. Тем более, что база для подобных гибридных войн уже есть [Арешев, 2019, www, Аношин, 2019, www]. Наряду с этим, «макдональдизация», описанная Д. Ритцером [Ритцер, 2011], также предстает в определенном отношении гибридной войной, основанной на применении химического оружия, основу которого составляет «фастфуд», вызывающий привыкание и сопровождающийся культом его потребления и соответствующим образом жизни. И в данном контексте существующие определения не отражают новые грани гибридных войн второго поколения, для которых ограниченное вооруженное противостояние или боевые действия может заменяться использованием биологического или химического оружия. Вопрос об использовании ядерного оружия в гибридных войнах пока остается открытым. Однако уже с начала разработки, появления и постановки на вооружение ядерного оружия, его место, местоположения, данные о количестве, качестве, дальности поражения, размещении на тех или иных средствах доставки

являются фактором, соизмеримым с эффектом от угрозы ведения боевых действий с использованием обычных средств поражения. Наряду с этим, единственное прямое использование ядерного оружия в Хиросиме и Нагасаки против мирного населения, а не против армии Японии, также свидетельствует о его гибридном характере (США в данном случае рассчитывали на эффект ошеломляющего воздействия на СССР как возможного оппонента после Второй Мировой войны и на Японию – в целях принуждения ее к капитуляции).

Заключение

В итоге, осмысление результатов дефинирования концепта «гибридная» война необходимо отметить широкий спектр определений, которые фиксируют ее сущность как сочетание вооруженной борьбы (использующей холодное, огнестрельное, биологическое, химическое и элементы ядерного оружия) с деструктивными актами в невоенных сферах жизнедеятельности общества. В таком случае, перспективным будет являться рассмотрение гибридных войн в контексте **военно-социальных практик**, основные аспекты которых представлены в ряде источников [Кирюшин, 2018, 21].

Основой и теоретической базой военно-социальных является укоренившееся в отечественной военной науке понятие «военная практика», основным видом которой является война (или военные действия) [Война и мир..., 2004, www], целью – достижение победы в ней, а в мирное время – обеспечение военной безопасности государства, а также подготовка страны и армии к возможной войне [Военный энциклопедический словарь, 2007, 570]. В тоже время основой практик противоборств несилового характера, все чаще выступающих в современности в качестве самостоятельного процесса, является игра и ее технологии.

При постулировании определения «военно-социальные практики» и его использования в конкретных исследованиях необходимо учитывать ряд аспектов. Во-первых, сущность современных военно-социальных практик необходимо рассматривать в рамках традиции осмысления социальных практик как нравственно-благих действий (Аристотель), пусть и реализующихся деструктивными средствами, но ради конструктивных (в рамках сложившегося мировоззрения и системы ценностей конкретного актора) целей. Во-вторых, необходимо учитывать, что пространство использования военно-социальных практик включает в себя не только сугубо военную сферу и отношения внутри нее, но и континуум социальных институтов, гражданского общества, повседневности и т.п.

Под военно-социальными практиками, в таком случае, необходимо понимать вид политических практик, сочетающих вооруженную борьбу (военные действия) с несиловыми противоборствами игрового характера в основных сферах жизнедеятельности общества противника, ориентированных на достижение оборонительных, превентивных, наступательных и контр наступательных целей.

В данной связи в рамках военно-социальных практик необходимо пересмотреть содержание понятия «средство поражения (или оружие)», которое следует рассматривать не только в его холодном, огнестрельном, ядерном и т.п. форматах, но и как фактор, технологию, способ причинения вреда, введения в заблуждение, вывода из строя, оглупления и т.п., реализующихся в основных сферах жизнедеятельности общества. Оружие военно-социальных практик может не нести прямой угрозы, а наоборот, может представлять элемент повседневных практик (еда, книга, телепередача и т.п.). В то же время в нем может быть заложен скрытый или отложенный деструктивный эффект или алгоритм, способный инициировать разрушение социальных

институтов, отношений, физического и психического здоровья противника посредством специфической информации, разрушительных идей, норм, ценностей, нездоровых повседневных, пищевых и иных практик

Таким образом, применительно к контексту военно-социальных практик гибридные войны и их модификации целесообразно дефинировать следующим образом. *Гибридная война это специфический тип военно-социальных практик, сочетающий вооруженные действия регулярных и нерегулярных, государственных и частных силовых структур на основе использования обычных средств поражения, элементов биологического, химического и ядерного оружия, с несиловыми противоборствами игрового характера (цветные революции, протестные движения, экономические санкции, «ложные» политические претензии и т.п.) в основных сферах жизнедеятельности общества противника, ориентированных на достижение оборонительных, превентивных, наступательных и контр наступательных целей.*

Библиография

1. Аношин А. Украину поражают вирусы-мутанты. URL:<https://ukraina.ru/exclusive/20180914/1021134860.html> (дата обращения: 08.05.2019).
2. Арешев А. О биологических США по периметру России. Грузия и не только... Биотерроризм. URL: <https://eto-fake.livejournal.com/1468027.html> (дата обращения: 08.05.2019).
3. Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны. Военная мысль. 2018. №10. С. 5-20.
4. Военная практика // Война и мир в терминах и определениях: под общ. ред. Д.О. Рогозина. М., 2004. URL: https://war_peace_terms.academic.ru/150/ВОЕННАЯ_ПРАКТИКА (дата обращения: 12.09.2018).
5. Егорченков Д.А., Данюк Д.С. Гибридный дракон и химера войны: монография. М., 2019. 368 с.
6. Кирюшин А.Н. Приоритетные направления обеспечения безопасности России в условиях применения противником игровых форм и способов военно-социальных практик игрового происхождения // Научное мнение. 2018. № 3(19). С. 17-22.
7. Панарин И.Н. Что такое Гибридная война? 0:58-1:20 URL:https://youtu.be/ypVHD_s00R8 (дата обращения: 12.09.2020).
8. Першин Ю.Ю. Записки о «гибридной войне» // Вопросы безопасности. 2016. № 4. С. 63-85.
9. Практика военная // Военный энциклопедический словарь. М., 2007.
10. Ритцер Д. Макдональдизация общества. М., 2011. 592 с.
11. Столетов О.В. «Гибридная война» как теоретический концепт и инструмент дискурсивного влияния в современной мировой политике // «Гибридные» войны в хаотизирующемся мире XXI века: монография. М., 2015. С. 105-123.
12. Тиханычев О.В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 30-43.
13. Glenn R. W. Thoughts on “Hybrid” Conflict // Small Wars Journal – 2009. March 02. URL: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict>
14. Huovinen P. Hybrid warfare – Just a Twist of Compound Warfare. Views on warfare from the United States Armed Forces perspective. Department of Military History. April 2011. 55 p. URL: http://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/74215/E4081_HuovinenKPO_EUK63.pdf.
15. McCuen J. J. Hybrid Wars // Military Review. Fort Leavenworth, Ks: Combined Arms Center. March-April 2008. Pp. 107-113.
16. Popescu Nicu. Hybrid tactics: neither new nor only Russian Архивная копия от 30 октября 2016 на Wayback Machine. EUISS Issue Alert 4 (2015).
17. United States Government Accountability Office: Hybrid Warfare, GAO-10-1036R. Washington, DC, USA: USGAO, 2010 (September 10). 26 p. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/gao/d101036r.pdf>.

Defining the concept of "hybrid war" in the context of military-social practices

Aleksei N. Kiryushin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of aviation tactics,
Military Educational and Scientific Center of the Air Force,
Air Force Academy named after professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin,
394064, 54-a, StarihBol'shevnikov str., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: elrisha_@rambler.ru

Sergei I. Kachura

Senior Lecturer of the Central Officer Courses,
Center for Combat Use and Retraining Flight
Personnel (Naval Aviation of the Navy),
353681, 29, Kalinina str., Yeisk, Russian Federation;
e-mail: sergeykachura@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the definition of the concept of "hybrid war" in the context of military-social practices. The author notes the ambiguity in the interpretation of the essence of hybrid wars in Western and domestic science, philosophy and military affairs, dictated by the difference in approaches to its practical application. It was revealed that in the foreign tradition, hybrid wars are considered as organically intertwined practice in traditional methods of destructive interaction with the enemy. In the domestic tradition, the actualized search for the essence of hybrid war indicates the alienness of this phenomenon and is due to the need to develop such a direction of counteraction to the latter as counter-hybrid war. Along with this, there is a weak methodological basis for the concept of "hybrid war", which is thought of as a specific type of armed struggle, due to the combination of game forms and methods using conventional weapons (cold and firearms). Meanwhile, the use of the destructive consequences for the economy, politics, education and culture of the epidemic of the COVID-19 can be considered as a new prototype of hybrid war, which is based on biological techniques and methods of waging war. The article concludes with a definition of hybrid warfare as a specific type of military-social practice.

For citation

Kiryushin A.N., Kachura S.I. (2020) Definirovaniye kontseptya «gibridnaya voina» v kontekste voenno-sotsial'nykh praktik [Defining the concept of "hybrid war" in the context of military-social practices]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (5A), pp. 37-44. DOI: 10.34670/AR.2020.58.98.032

Keywords

Military-social practices, hybrid warfare, definition, color revolution, hybrid threat, compound warfare, full spectrum military operation.

References

1. Anoshin A. Ukraine is affected by mutant viruses. URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20180914/1021134860.html> (date of access: 05/08/2019).
2. Areshiev A. About US biolaboratories along the perimeter of Russia. Georgia and not only ... Bioterrorism. URL: <https://eto-fake.livejournal.com/1468027.html> (date accessed: 05/08/2019).
3. Bartosh A.A. Strategy and counter-strategy of hybrid warfare. Military thought. 2018. No. 10. S. 5-20.
4. Military practice // War and peace in terms and definitions: under total. ed. BEFORE. Rogozin. M., 2004. URL: https://war_peace_terms.academic.ru/150/VOENNAYA_PRACTICE (date of access: 12.09.2018).
5. Egorchenkov D.A., Danyuk D.S. The Hybrid Dragon and the Chimera of War: A Monograph. M., 2019. 368 p.
6. Kiryushin A.N. Priority directions of ensuring the security of Russia in the conditions of the enemy's use of game forms and methods of military-social practices of game origin // Scientific opinion. 2018. No. 3 (19). p. 17-22.
7. Panarin I.N. What is Hybrid Warfare? 0: 58-1: 20 URL: https://youtu.be/ypVHD_s00R8 (date accessed: 09/12/2020).
8. Pershin Yu.Yu. Notes on the "hybrid war" // Security Issues. 2016. No. 4. p. 63-85.
9. Military encyclopedic dictionary. M., 2007.
10. Ritzer D. McDonalidization of society. M., 2011. 592 p.
11. Stoletov O.V. "Hybrid war" as a theoretical concept and instrument of discursive influence in modern world politics // "Hybrid" wars in the chaotic world of the XXI century: monograph. M., 2015. S. 105-123.
12. Tikhanychev OV Hybrid wars: a new word in the art of war or a well-forgotten old one? // Security questions. 2020. No. 1. p. 30-43.
13. Glenn R. W. Thoughts on "Hybrid" Conflict // Small Wars Journal – 2009. March 02. URL: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/thoughts-on-hybrid-conflict>
14. Huovinen P. Hybrid warfare – Just a Twist of Compound Warfare. Views on warfare from the United States Armed Forces perspective. Department of Military History. April 2011. 55 p. URL: http://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/74215/E4081_HuovinenKPO_EUK63.pdf.
15. McCuen J. J. Hybrid Wars // Military Review. Fort Leavenworth, Ks: Combined Arms Center. March-April 2008. Pp. 107-113.
16. Popescu Nicu. Hybrid tactics: neither new nor only Russian Архивная копия от 30 октября 2016 на Wayback Machine. EUISS Issue Alert 4 (2015).
17. United States Government Accountability Office: Hybrid Warfare, GAO-10-1036R. Washington, DC, USA: USGAO, 2010 (September 10). 26 p. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/gao/d101036r.pdf>.